

ДИАЛОГ И. И. МАРТЫНОВА И М. С. КАЙСАРОВА О Л. СТЕРНЕ В 1804 ГОДУ

В августе 1804 года в издававшемся И. И. Мартыновым журнале «Северный вестник» была помещена статья «Известие о Лаврентии Стерне и его сочинениях. Из „Французского Меркурия“ 11 июня 1803 года»¹ — перевод рецензии на новейшее шеститомное издание Стерна, совершенно обычной для французского нормативного неоклассицистического суждения о Стерне, оформившегося еще в 1770-е годы.² Французский журналист снисходительно судил Стерна как автора, вся «острота» которого заключается в нарушении правил «порядка» и «стройности»: Стерн «примером своим доказал, что не зная ничего можно сочинить книгу, предлагая смело все глупости, которые придут в голову. <...> Стоит только <...> писать все, что придет в голову, — и готова будет книга в Стерновом вкусе; <...> не нужны ни порядок, ни стройность, ни связь в мыслях; можно переходить с кладбища в трактир без малейшей перерывки; в сем-то и состоит острота. Если трудно покажется окончить период, то можно его оставить недоконченным; такая остановка почтется чертою разума...» (с. 158–160).

Он утверждал, что «Сентиментальное путешествие» «писано гораздо лучше» «Тристрама» (с. 169), который «есть сочинение без всякой связи» (с. 165), что также характерно для французской рецензии: если на родине славу Стерну составил его первый роман, беспрецедентный, новаторский сентиментально-юмористический пародийный «Тристрам Шенди» (1759–1767), то во Франции главным произведением Стерна стало «Сентиментальное путешествие» (1768), вышедшее в год смерти писателя и в том же году переведенное Ж.-П. Френэ, тогда как перевод «Тристрама» (в 6 томах) того же Френэ вышел только в 1777–1786 годах.

Особенно же критик «Французского Меркурия» призывал отказаться от подражаний Стерну («...принятый им род сочинений чрезвычайно своею легкостью произвел множество подражателей; ибо гораздо легче производить без выбора шутки смелого и необузданного воображения, нежели писать приятно под руководством строгого и правдивого рассуждения...» (с. 162–163)), которые еще с 1780–1790-х годов приняли в европейских литературах характер эпидемии, так что возник феномен «стернианы» — подделок, часто издававшихся под одной обложкой с подлинным Стерном,³ и многочисленных подражаний, банализирующих поэтику английского автора к бесформенной, в основном слезливой, болтливости; к рубежу веков они сами стали объектом пародий, утрировавших приемы Стерна.⁴ Собственно, само рецензировавшееся в «Mercure de

¹ Северный вестник. 1804. Ч. 3. № 8. С. 158–171 (оригинал: *Mercure de France*. 1803. 11 Juin. P. 535–544; подпись: Ch. D.). Далее ссылки на эту статью даются в тексте сокращенно, с указанием номера страницы.

² О французском восприятии Стерна см.: Laurence Sterne: The Critical Heritage / Ed. Alan B. Howes. London; Boston, 1974; *Asfour L.* 1) *Movements of Sensibility and Sentiment: Sterne in Eighteenth-Century France* // *The Reception of Laurence Sterne in Europe* / Ed. Peter de Voogd, John Neubauer. London, 2004. P. 9–31; 2) *Laurence Sterne in France*. New York, 2008.

³ См.: *Oates J. C. T. Shandyism and Sentiment, 1760–1800*. Cambridge, UK, 1968; *Newbould M.-C. Adaptations of Laurence Sterne's Fiction: Sterneana, 1760–1840*. London, 2016.

⁴ См.: *Thayer H. W. Laurence Sterne in Germany*. New York, 1905. P. 79–83, 113–156; *Кожевников В. А. Философия чувства и веры в ее отношениях к литературе и рационализму XVIII века и к критической философии*. Ч. 1. М., 1897. С. 529–530.

France» новое шеститомное, с гравюрами, французское собрание сочинений Стерна «Oeuvres complètes de Laurent Sterne» (Paris: J.-P. Bastien, 1803) дает представление о французском Стерне (и безразлично для понимания раннего русского Стерна, весьма далекого от современного). Французское издание открывается многократно переиздававшимся довольно пресным биографическим очерком о Стерне «Vie de Sterne», написанным его переводчиком Ж.-П. Френэ (впервые опубликован как предисловие к его переводу «Тристрама» (1777); на русский язык переведен в журнале И. И. Мартынова «Муза» (1796. Ч. IV. Окт.)), а оригинальные произведения Стерна перемешаны в нем с подделками: «Тристрам» (тома 1–4) сопровождается целым корпусом апокрифических текстов из «Корана», подлинным автором которого был Р. Гриффит (англ. ориг.: 1770; полн. рус. пер.: 1809), в их числе эссе «О меланхолии», «О счастье» и проч.⁵ и фрагмент «Я», русский перевод которого был помещен в «Музе» (1796. Ч. IV. Окт.). Также во французский текст «Тристрама» входят главки, полностью придуманные французским переводчиком: так, четвертый том издания начинается с такой главки, «La pauvre et son chien», русский перевод которой, «Бедный с собакой», был помещен Карамзиным в «Московском журнале» (1791. Ч. III. Кн. 3. С. 277–281) без указания на то, что это не оригинальный Стерн. «Сентиментальное путешествие» (5-й том) напечатано во французском шеститомнике вместе с его поддельным продолжением, написанным приятелем Стерна Д. Холлом-Стивенсоном под именем Евгения (англ. ориг.: 1769; фр. пер.: 1774, рус. пер.: 1806); заключительный шестой том составлен из проповедей (рус. пер.: 1801) и писем, прежде всего переписки Йорика и Элизы (наполовину, как теперь известно, представляющей собой подделку У. Комба), которая по традиции французских изданий предваряется надгробным похвальным словом Элизе аббата Рейналя (на русский только в XVIII веке переписка с Элизой переводилась трижды: в 1789, 1793 и 1795 годах, что составляет своеобразную черту ранней отечественной рецепции Стерна).

Объяснение того, зачем в «Северном вестнике», который в ряду периодических изданий той эпохи был выделен Н. И. Мордовченко как «журнал, особенно много заботившийся о критике и сознававший серьезность и важность ее назначения»,⁶ был помещен перевод этой пространной до банальности характерной французской рецензии — тогда как сам И. И. Мартынов, по наблюдению Мордовченко, принадлежал к тем, кто, «пропагандируя теорию классицизма, выдвигали в то же время положения, расходившиеся с ней и ей противоречившие», в частности «лозунг свободы от „правил“»,⁷ — лежит, как представляется, в двух примечаниях русского издателя, переводящих ее в актуальный отечественный контекст.

Первое: «Помещаем сию статью не для того, чтобы мы были во всем с автором оной согласны, но для того, что есть в ней замечания правильные. В прочем предоставляем судить об ней читателям. *Изд.*» (с. 158), — по предположению Д. А. Иванова, подталкивало отечественного читателя к тому, чтобы интерпретировать эти «правильные замечания» в контексте кампании, которую литераторы круга «Северного вестника», особенно А. А. Шаховской, автор «Нового Стерна» (поставлен в 1805, опубликован в 1807 году), вели тогда против московских сентименталистов.⁸

Это, вероятно, отчасти справедливо: возможность чтения французской статьи, посвященной критике Стерна и его подражателей, в режиме двойной экспозиции, как критики подражателей Карамзина, обеспечивалась тем, что в русском контексте начиная с 1790-х годов имя Стерна было неотделимо от имени Карамзина: говорили

⁵ Стоит, как представляется, пересмотреть русские журналы тех лет для выявления среди помещавшихся в них эссе на подобные темы переводов из «Корана». Ср. о чтении Л. Н. Толстым «Корана» во французском собрании сочинений Стерна: *Tilby M. Tolstoj, Sterne, and the Spurious «Koran»* // *The Slavic and East European Journal*. 1985. Autumn. Vol. 29. № 3. P. 325–329.

⁶ Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 69.

⁷ Там же. С. 107.

⁸ Иванов Д. Творчество А. А. Шаховского-комедиографа: теория и практика национального театра. Тарту, 2009. С. 28–29.

«Стерн», подразумевали «Карамзин». В 1790-е годы Карамзин переводами в «Московском журнале» и упоминаниями в «Письмах русского путешественника» выступил самым влиятельным проводником «чувствительного» Стерна как прежде всего автора «Сентиментального путешествия» (здесь Карамзин перенес на русскую почву французский образ Стерна) и сам занял в отечественной литературе место «нашего Стерна». А к началу 1800-х годов в критике и пародиях, направленных против подражателей Карамзина, слово «сентиментальный» и имя «Стерн» стали употребляться, почти в полном отрыве от английского автора, для обозначения Карамзина и карамзинистов, комедия Шаховского «Новый Стерн» — наиболее яркий и известный, но не единственный пример.⁹ Также общим местом была параллель между Стерном и Карамзиным как авторами, имевшими множество банализировавших их литературные открытия подражателей: Карамзин, который составил «как бы новую эпоху в нашей словесности» и поэтому «служит, кажется, обыкновенно образцом для наших молодых литераторов», «невольно имеет равную участь с англичанином Стерном, которому также многие подражали и подражают, только с весьма посредственным успехом».¹⁰

Вообще если читать русский перевод статьи из «Французского Меркурия» с проекцией на Карамзина, то становится заметно, что и другие ее (вполне точно переведенные в «Северном вестнике») пассажи должны были напомнить отечественному читателю в первую очередь о Карамзине как проводнике Стерна в русской культуре. Например, французский критик пишет: Стерн «поступает с читателями так свободно, как до ныне не было примера; уведомляет публику о количестве своего платья: потомство будет знать, что в его чемодане лежали черные шелковые штаны» (с. 159) — в «Письмах русского путешественника» повествователь описывает увиденные им в комнате в английском трактире вещи соседа, особенно отмечая среди них «a black pair of silk breeches», с примечанием: «С которыми отправился Йорик во Францию, как известно».¹¹ Далее во французской статье говорится: «Какая мне нужда в том, что Стерн, говоря с г. Дессеном, Калейским трактирщиком, приложил конец указательного пальца к его груди? Какою необъятною надменностью должна быть надута голова ничего не значущего человека, если он думает, что целый свет займется такими пустяками» (с. 161) — в «Письмах русского путешественника» дается восторженное перечисление целого ряда таких «пустяков» из соответствующей главы «Сентиментального путешествия» («французский суп», «соус с цыплятами» и проч.), которые повествователь вспоминает в Кале на два голоса с неким французским офицером, с примечанием: «Все сие памятно тому, кто хотя один раз читал Стерново или Йориково путешествие; но можно ли читать его только один раз?»¹²

В этих совпадениях нет ничего необычного: Карамзин знакомил русского читателя с самыми популярными «красотами» Стерна, которые упоминает и рецензент «Французского Меркурия», однако можно предположить, что именно из-за этой возможности двойного прочтения французская статья была выбрана для перепечатки «Северным вестником».

Второе примечание издателей «Северного вестника» сделано к словам французского критика о том, что «„Тристрам Шанди“ есть сочинение без всякой связи»: «Оно переведено на русский язык, — возражает издатель, — и довольно хорошо» (с. 165). Речь шла о новейшем переводе, сделанном М. С. Кайсаровым, который публиковался в 1804–1807 годах в форме шести небольших томов, из которых в 1804 году вышли первые четыре. Во французской статье здесь, для иллюстрации недостатков романа, была приведена пространная цитата — естественно, по нормализующему переводу Френэ,¹³ который во французском журнале был еще несколько сокращен и соответ-

⁹ См. подробнее: Баскина М. Э. «Не Стерн, или, по крайности, не Верн»: К описанию французского генезиса карамзинского Стерна // Шаги = Steps. 2024. Т. 10. № 1. С. 157–167.

¹⁰ Борн И. М. Краткое руководство к российской словесности. СПб., 1808. С. 160–161.

¹¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подг. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, В. А. Успенский. Л., 1984. С. 332 (сер. «Литературные памятники»).

¹² Там же. С. 323–324.

¹³ И французский перевод «Тристрама», и отклики на него были окрашены доминирующим влиянием «Сентиментального путешествия»: Френэ, в частности, дал главам романа отдельные

ственно переведен в «Северном вестнике», так что пассаж, в котором мистер Шенди разговаривает с женой о необходимости одеть Тристрама в штаны, оказался лишен большей части фливорных намеков, придающих разговору забавную двусмысленность, и действительно превращен, как пишет французский критик, в «простой», семейно-бытовой (*familière*) (с. 167).

Упоминание издателями «Северного вестника», в явном диссонансе с негативным тоном французской критики и характером цитаты из Стерна, «довольно хорошего» нового русского перевода — сделанного с английского подлинника, в котором, в отличие от французского перевода Френэ, были «переданы стилистические особенности и сложная композиционная структура подлинника»¹⁴ — как представляется, предлагало еще один ракурс в чтении французской статьи в русском контексте: не только как критики подражателей Стерна и подражателей Карамзина, но и как разговора собственно о Стерне с его русским переводчиком.

Кайсаров, которому, как мы предполагаем, второе примечание издателей «Северного вестника», с похвалой его переводу и его имплицитным противопоставлением доместицирующей версии Френэ, было прямо адресовано, действительно отозвался «Письмом к приятелю, содержащим в себе критику Стерновых сочинений, напечатанных в № VII „Северного вестника“,»¹⁵ подписавшись «Переводчик „Тристрама Шанди“». Он откликнулся, в частности, на данную по переводу Френэ цитату, заметив, что «Тристрам» «совсем обезображен в этом переводе, невозможно чувствовать цены его, не зная тех обстоятельств, в которых Стерн вводит его в своем сочинении» (Кайсаров, с. 14),¹⁶ а также подхватил предложенный «Северным вестником» режим чтения французской критики Стерна и его подражателей с проекцией на карамзинистов: цитируя в своем «Письме» из французской статьи, Кайсаров сделал небольшое, но значимое добавление. Во «Французском Меркурии» говорилось: после Стерна все решили, будто можно «писать величайшие дурачества <...>; ибо кто не напишет несколько чувствительных строк о *своей собаке, о мертвом осле, о скворце, или о женской шляпке?*» (с. 160) — Кайсаров этот пассаж немного варьирует, добавляя к перечислению французских «красот» Стерна еще одну безделку — кофе: «...из великого множества подражателей Стерну ни один не только не может с ним сравниться, но даже не может быть сносен после самого Стерна; <...> мы всякий год имеем несчастье видеть каких-нибудь тысячу новых глав о *собаке, о мертвом осле, о кофе* и проч. <...>» (Кайсаров, с. 11), — что может быть прочитано как отсылка к карамзинистскому топосу: в «Детском чтении для вкуса и разума» (1785. Ч. 2. № 16. С. 33–44) была помещена статья об истории кофе, в «Письмах русского путешественника» имеется целый пассаж о кофейных домах в Париже;¹⁷ кофе воспел П. И. Шаликов в «Путешествии в Малороссию» (1803): «Спросите у меня, что более всего ласкает вкусу? Ответствую: хороший кофе после хорошего моциона. — Божественный нектар! ты усладил вкус мой, обоняние и освежил силы моего духа!»¹⁸

названия, по образцу «Сентиментального путешествия», кое-где нормализовал пунктуацию и нивелировал повествовательные эксперименты Стерна, кое-что присочинил в чувствительном и правоучительном духе и многое, особенно шутки Стерна, заменил «собственными изобретениями» ([Frénais J.-P.] Avertissement // [Sterne L.] La vie et les opinions de Tristram Shandy / Trad. de l'Angloise par M. Frénais. Neuchatel: Société, 1777. P. X), в чем французская критика его поддержала (см.: Laurence Sterne: The Critical Heritage. P. 399).

¹⁴ Панов С. И. Кайсаров Михаил Сергеевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 441.

¹⁵ Французская статья была помещена не в седьмом, а в восьмом номере «Северного вестника».

¹⁶ [Кайсаров М. С.]. Письмо к приятелю, содержащее в себе критику Стерновых сочинений, напечатанных в № VII Северного Вестника // РНБ. Ф. 247 (Г. Р. Державин). Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 1–9 об. Подп.: Переводчик Тристрама Шанди. Брошюра Кайсарова идет под № 1 в составе конволюта. Здесь и далее ссылки на нее даются в тексте сокращенно: Кайсаров, с указанием номера страницы печатного издания.

¹⁷ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 268–269.

¹⁸ Цит. по: Ландшафт моих воображений. Страницы прозы русского сентиментализма. М., 1990. С. 524.

На то, что письмо Кайсарова было репликой в заранее спланированном диалоге и, возможно, предназначалось для публикации в «Северном вестнике», указывает сообщение автора о том, что ему было известно о планах журнала: «Еще по напечатании первого тома „Тристрама Шанди“, я слышал несколько раз, что туча собиралась над главою *Стерна*, что „Северный вестник“, с „Французским Меркурием“ в руках, готовился поразить его: я трепетал, не сомневаясь в том, что дурной перевод будет погребен под развалинами прекрасного подлинника: я уже готовился прекратить начатую мною работу. Но когда, прочитав французскую критику, я вблизи увидел все опасности, — то успокоился, продолжал, и с великою неустрашимостью ожидал удара... Теперь вижу, что в „Северном вестнике“ ничего не помещено, кроме французской критики...» (Кайсаров, с. 2–3). Однако по каким-то причинам «Письмо...» Кайсарова не увидело света. О его существовании в виде печатной брошюры (СПб.?, 1804?) давно известно из библиографии В. С. Сопикова (ред. Рогожина, № 8239), однако первые исследователи русского *Стерна* — предполагая, что письмо это, вероятно, должно быть интересно — не смогли отыскать его в московских и петербургских книгохранилищах.¹⁹ Позднее единственный известный сегодня печатный экземпляр этой брошюры, вероятно не имевшей тиража, без титульного листа, был обнаружен в библиотеке Г. Р. Державина, теперь составляющей часть его архива в Российской национальной библиотеке.²⁰

Попробуем реконструировать, опираясь на публикацию «Северного вестника» и «Письмо...» Кайсарова, содержание этого оставшегося фантомным диалога о *Стерне*. Для понимания его модуса необходимо учитывать, что литературная позиция Кайсарова этого времени, насколько о ней можно судить, прежде всего по кругу его общения (брат А. С. Кайсаров, Московский благородный пансион, В. А. Жуковский, братья Тургеневы, Дружеское литературное общество), не была противоположна позиции «Северного вестника», т. е. перед нами не полемика, а диалог единомышленников.

Кайсаров, иронически утрируя свой страх перед готовившейся «Северным вестником» публикацией статьи из «Французского Меркурия», с насмешкой пишет, что она оказалась всего лишь «французской критикой» (Кайсаров, с. 2–3), т. е. высокомерным взглядом на *Стерна* как на автора, пишущего беспорядочно, нарушая нормативные правила: французский журналист объявляет, что хочет «обесславить *Стерна* и отвратить подражателей, — восклицает Кайсаров и пишет далее: — Эта черта ясно показывает обыкновенную французскую легкость: *французский журналист обесславил Стерна!* Какое самодовольное ослепление!» (Кайсаров, с. 3–4). Тут Кайсаров особенно пеняет издателям «Северного вестника» за то, что они недостаточно ясно выразили собственное отношение к французской рецензии: «...оставив ее без всякого опровержения, господа издатели повидимому выдают ее за свой собственный суд <...>. Гг. издатели „Вестника“ *не во всем соглашались* с этой критикой <...> не должно ли было именно сказать, что им кажется несправедливым?» (Кайсаров, с. 3). Это тем более странно, добавляет Кайсаров, что «Северный вестник» в том же номере объявил, какие требования сам предъявляет к критике: «Большие сведения, строгая благопристойность...» (Кайсаров, с. 6). Цитата Кайсарова взята из одной из программных статей, с которыми идеологи журнала И. И. Мартынов, А. И. Писарев и Д. И. Языков выступили в первый, 1804-й, год его существования. Программу новой критики Писарев сформулировал, в частности, через анализ раздела рецензий в «Московском журнале» Карамзина (из этой статьи, непосредственно предшествовавшей в журнале статье о *Стерне*, заимствована цитата Кайсарова)²¹ и в «Московском Меркурии» П. И. Макарова.²² Работу Карамзина-критика Писарев охарактеризовал в целом положительно, хотя без общепринятого пиетета к его личности, упрекнул в некоторых «неисправно-

¹⁹ См.: Резанов В. А. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1906. Вып. 1. С. 249; Маслов В. И. Интерес к *Стерну* в русской литературе конца XVIII и нач. XIX в. // Историко-литературный сборник: Посвящается В. И. Срезневскому. Л., 1924. С. 365.

²⁰ См.: Harder H.-B. Schiller in Russland. Materialien zu einer Wirkungsgeschichte. 1789–1814. Bad Homburg, 1969. S. 96–97.

²¹ Северный вестник. 1804. Ч. 3. № 8. С. 141–158.

²² Там же. № 9. С. 294–314.

стях» и ложном тоне, похвалил за то, что у него «нет ни пристрастной похвалы, ни колких насмешек, ни решительных определений»,²³ а стиль «Московского Меркурия» решительно осудил: судить следует «без брани, не касаясь до личности; но преподавать учительские уроки голосом дружбы. Противное сему можно видеть в ежемесячном журнале „Московский Меркурий“...».²⁴ Отметив диссонанс между «самодовольным» нормативным тоном «французской критики» и беспристрастной ученой манерой, которую постановил себе правилом «Северный вестник», — расхождение, которое для участников тогдашней литературной жизни, вероятно, должно было быть заметным и семантизированным — Кайсаров выступил в том же жанре метакритики, что и Писарев, написав критику французской критики Стерна. Таким образом он подхватил и развил предложенную «Северным вестником» перекодировку французской статьи в актуальном отечественном контексте, связанном с карамзинизмом, но перефокусированном на том, что было важно для того круга, к которому принадлежали и издатель журнала, и переводчик «Тристрама» (тогда как Дмитриева и Шаликова возмущало не столько собственно содержание позиции «Северного вестника», сколько то, что «безымянные писачки» вообще дерзнули судить их самих и тем более Карамзина).

Однако Кайсаров не ограничился рамками предложенного «Северным вестником» проецирования французской статьи на актуальные обстоятельства русской литературы — рекомендовавший «Переводчиком Тристрама Шанди», он заговорил собственноручно о Стерне, стараясь извлечь его имя из карамзинистского контекста. Кайсаров начинает свое «Письмо...» с того, что Стерна ценили «не одни сердца чувствительные», а «лучшее из Стерновых творений» — не «Сентиментальное путешествие», а «Тристрам» (Кайсаров, с. 1). О «Тристраме» он — видимо, первым в России — написал не по образцу французской рецепции как о «сочинении без всякой связи», а как о, если воспользоваться выражением В. Б. Шкловского, «анти-романе», в котором отступление и есть ключевой конструктивный элемент: французский критик, замечает Кайсаров, утверждает, что в «Тристраме» «нет ни происшествий, ни действия. Эти слова ясно показывают, что он смотрел на него, как на роман», тогда как это — «грубая ошибка <...> отступления, прерывания и проч. служат единственно теснейшему соединению всех частей» (Кайсаров, с. 13).

Перевод «Тристрама» М. С. Кайсаровым сделал ему, как заметил А. А. Бестужев-Марлинский, имя в определенном кругу,²⁵ однако влияние это было далеко не столь сильным и широким, как влияние карамзинского Стерна почти пятнадцатью годами ранее. Если попытаться наметить пунктирную линию ранних русских «шендианцев» (подлинное открытие «Тристрама Шенди» в отечественной литературе, сравнимое по силе влияния с карамзинским «чувствительным» Стерном, произошло только благодаря известным статьям В. Б. Шкловского 1920-х годов), дополнительную к «чувствительному» стернианству карамзинистских травелогов и пародий на них, то к ней можно отнести Ф. В. Ростопчина с его «Путешествием в Пруссию» (написано в 1780-е годы) и повестью «Ох, французы!» (написана в 1806-м; оба произведения опубликованы только в 1840-е годы),²⁶ И. И. Мартынова с его никогда не переиздававшейся

²³ Там же. № 8. С. 149.

²⁴ Там же. № 9. С. 294. К ряду метакритик Писарева относится также его рецензия на панегирический отклик Макарова на «Сочинения и переводы» И. И. Дмитриева, которому Писарев противопоставил необходимость беспристрастного разбора (Там же. № 9. С. 312–313). Эти анонимные метакритики вызвали возмущение в карамзинистском лагере: И. И. Дмитриев в частных, но имевших литературный вес высказываниях обругал «безымянных пачкунов» за то, что они смеют быть недостаточно почтительны к Карамзину и самому Дмитриеву (см.: Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 18), П. И. Шаликов в «Вестнике Европы» эмоционально выступил в защиту Макарова, только что умершего (Шаликов П. И.]. Нечто о П. И. Макарове // Вестник Европы. 1804. Ч. 18. № 24 (дек.). С. 293–299).

²⁵ Бестужев А. А. Взгляд на старую и новую словесность в России // Полярная звезда, изд. А. Бестужевым и К. Рылеевым / Изд. подг. В. А. Архипов, В. Г. Базанов и Я. Л. Левкович. М.; Л., 1960. С. 18 (сер. «Литературные памятники»).

²⁶ См. подробнее: Баскина М. Э. «Не Стерн, или, по крайности, не Верн». С. 148–186.

автобиографической повестью-травелогом «Филон» (1796),²⁷ а также Бестужева, который в числе признаков романтизма назвал «стерновский дух анализа всех движений души, всех поступков воли»²⁸ и в собственной прозе, например, в повести «Мореход Никитин» (1834), выдерживал стерновский стиль на русском, бытовом и языковом, материале (здесь его предшественник — «Филон» Мартынова). К ряду отечественных «шендианских» произведений с оговорками относят повести В. Т. Нарезного и мало-российские повести Н. В. Гоголя,²⁹ в более подражательном роде — «Жизнь и мнения нового Тристрама» (1829) Я. И. де Санглена.³⁰ Ключевыми фигурами в этом ряду оказываются два единомышленника, М. С. Кайсаров и И. И. Мартынов, высказавшиеся в 1804 году в не прямой и двусмысленной, вполне стернианской, форме диалогической литературной игры, адресованной своему узкому «шендианскому» кругу.

²⁷ См. подробнее в нашей статье «И. И. Мартынов — наш шендианец» (в печати).

²⁸ Бестужев-Марлинский А. А. О романе Н. Полевого «Клятва при гробе Господнем» // Декабристы. Эстетика и критика / Сост. и прим. Л. Г. Фризмана. М., 1991. С. 164–165.

²⁹ См.: Дмитриева Е. Е. Стернианская традиция и романтическая ирония в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1992. № 3. С. 18–27.

³⁰ См.: Stewart N. «Glimmerings of Wit». Laurence Sterne und die russische Literatur von 1790 bis 1840. Heidelberg, 2005.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-2-102-109

© Л. А. Сапченко

ПИСЬМО ДОЧЕРЯМ Н. М. КАРАМЗИНА СОФЬЕ НИКОЛАЕВНЕ И ЕКАТЕРИНЕ НИКОЛАЕВНЕ: АТРИБУЦИЯ И ДАТИРОВКА*

В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится документ под названием «Письмо дочерям Н. М. Карамзина Софье Николаевне и Екатерине Николаевне...» без подписи и даты.¹

Принято считать, что автором письма является Н. М. Карамзин. Между тем почерк письма определенно не карамзинский. Очевидно, это копия. Чьей рукой сделана копия, также неизвестно.

В 2011 году это письмо (за исключением двух фрагментов) было опубликовано Л. А. Богдановой.

О самом письме и его датировке было высказано следующее суждение: «...очевидно, что написано это в Остафьеве летом, примерно в 1810–1811 годах, именно в это время у Карамзиных было две дочери, Софья и Екатерина».²

Между тем почерк и стиль письма, сама ситуация послания, упоминаемые в нем события, помещенные в нем стихи, шутки и словесные игры не позволяют согласиться с этим мнением.

Обратимся к тексту письма. Начинается оно так: «У меня давно готовится к вам послание, не знаю, будет ли конец.

Здорово, милые *Китайки!*
Пора для вас присесть к *сукну*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00292 А «Н. М. Карамзин и его окружение».

¹ РГАЛИ. Ф. 248. Оп. 2. № 18. Л. 1–2 об.

² Богданова Л. А. Образ Карамзина периода «Остафьевского затворничества» (по материалам РГАЛИ) // Карамзинский сборник. М., 2011. Вып. 1. С. 178.

26. Voronskii A. K. Iz perepiski s sovetskimi pisateliami / Vstup. stat'ia i publ. E. A. Diner-shteina // Lit. nasledstvo. 1983. T. 93. Iz istorii sovetskoi literatury 1920–1930-kh godov. Novye materialy i issledovaniia.

27. Zaitsev P. N. Poslednie desiat' let zhizni Andreia Belogo / Podg. teksta i prim. M. L. Spivak // Zaitsev P. N. Vospominaniia: Poslednie desiat' let zhizni Andreia Belogo. Literaturnye vstrechi / Sost. M. L. Spivak; vstup. stat'ia Dzh. Malmstada, M. L. Spivak. M., 2008.

Мария Эммануиловна Баскина (Маликова)

старший научный сотрудник Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Maria Emmanuilovna Baskina (Malikova)

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID 0000-0003-3371-1231

maria.e.malikova@gmail.com

ДИАЛОГ И. И. МАРТЫНОВА И М. С. КАЙСАРОВА О Л. СТЕРНЕ В 1804 ГОДУ

I. I. MARTYNOV AND M. S. KAYSAROV DISCUSSING L. STERNE IN 1804

В статье реконструируется фантомный диалог в форме литературной игры, основанной на прочтении переводной французской статьи о Стерне с проекцией на актуальные обстоятельства отечественной литературы, между двумя единомышленниками, издателем «Северного вестника» И. И. Мартыновым, поместившим в 1804 году в своем журнале переводную статью со своими примечаниями, и переводчиком «Тристрама Шенди» М. С. Кайсаровым, который откликнулся «Письмом», оставшимся, впрочем, неопубликованным.

Ключевые слова: Л. Стерн, И. И. Мартынов, М. С. Кайсаров, «Тристрам Шенди», «Сентиментальное путешествие».

The article is a reconstruction of a phantom dialogue in the form of a literary game based on projecting a translated French article about Laurence Sterne on the topical issues of national literature between two like-minded persons, Ivan Martynov, the editor of the Messenger of the North, who in 1804 published the French review in his magazine with the editor's notes, and Mikhail Kaysarov, translator of *Tristram Shandy*, who responded with a «Letter», which, however, remained unpublished.

Key words: L. Sterne, I. I. Martynov, M. S. Kaysarov, *Tristram Shandy*, *Sentimental Journey*.

Список литературы

1. Баскина М. Э. «Не Стерн, или, по крайности, не Верн»: К описанию французского гениса карамзинского Стерна // Шаги = Steps. 2024. Т. 10. № 1.
2. Бестужев А. А. Взгляд на старую и новую словесность в России // Полярная звезда, изд. А. Бестужевым и К. Рылеевым / Изд. подг. В. А. Архипов, В. Г. Базанов и Я. Л. Левкович. М.; Л., 1960 (сер. «Литературные памятники»).
3. Бестужев-Марлинский А. А. О романе Н. Полевого «Клятва при гробе Господнем» // Декабристы. Эстетика и критика / Сост. и прим. Л. Г. Фризмана. М., 1991.
4. Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000.
5. Дмитриева Е. Е. Стернианская традиция и романтическая ирония в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1992. № 3.
6. Иванов Д. Творчество А. А. Шаховского-комедиографа: теория и практика национального театра. Тарту, 2009.

7. Кaramzin H. M. Письма русского путешественника / Изд. подг. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, В. А. Успенский. Л., 1984 (сер. «Литературные памятники»).
8. Ландшафт моих воображений. Страницы прозы русского сентиментализма. М., 1990.
9. Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959.
10. Панов С. И. Кайсаров Михаил Сергеевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2.
11. Asfour L. Laurence Sterne in France. New York, 2008.
12. Asfour L. Movements of Sensibility and Sentiment: Sterne in Eighteenth-Century France // The Reception of Laurence Sterne in Europe / Ed. Peter de Voogd, John Neubauer. London, 2004.
13. Harder H.-B. Schiller in Russland. Materialien zu einer Wirkungsgeschichte. 1789–1814. Bad Homburg, 1969.
14. Laurence Sterne: The Critical Heritage / Ed. by Alan B. Howes. London; Boston, 1974.
15. Newbould M.-C. Adaptations of Laurence Sterne's Fiction: Sterneana, 1760–1840. London, 2016.
16. Oates J. C. T. Shandyism and Sentiment, 1760–1800. Cambridge, 1968.
17. Stewart N. «Glimmerings of Wit». Laurence Sterne und die russische Literatur von 1790 bis 1840. Heidelberg, 2005.
18. Thayer H. W. Laurence Sterne in Germany. New York, 1905.
19. Tilby M. Tolstoj, Sterne, and the Spurious «Koran» // The Slavic and east European Journal. 1985. Autumn. Vol. 29. № 3.

References

1. Asfour L. Laurence Sterne in France. New York, 2008.
2. Asfour L. Movements of Sensibility and Sentiment: Sterne in Eighteenth-Century France // The Reception of Laurence Sterne in Europe / Ed. Peter de Voogd, John Neubauer. London, 2004.
3. Baskina M. E. «Ne Stern, ili, po krainosti, ne Vern»: K opisaniu frantsuzskogo genezisa karamzinskogo Sterna // Shagi = Steps. 2024. T. 10. № 1.
4. Bestuzhev A. A. Vzgljad na staruiu i novuiu slovesnost' v Rossii // Poliarnaia zvezda, izd. A. Bestuzhevym i K. Ryleevym / Izd. podg. V. A. Arkhipov, V. G. Bazanov i Ia. L. Levkovich. M.; L., 1960 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
5. Bestuzhev-Marlinskii A. A. O romane N. Polevogo «Kliatva pri grobe Gospodnem» // Dekabristy. Estetika i kritika / Sost. i prim. L. G. Frizmana. M., 1991.
6. Dmitrieva E. E. Sternianskaia traditsiia i romanticheskaja ironiia v «Vecherakh na khutore bliz Dikan'ki» // Izvestiia RAN. Ser. lit. i iaz. 1992. № 3.
7. Harder H.-B. Schiller in Russland. Materialien zu einer Wirkungsgeschichte. 1789–1814. Bad Homburg, 1969.
8. Ivanov D. Tvorchestvo A. A. Shakhovskogo-komediografa: teoriia i praktika natsional'nogo teatra. Tartu, 2009.
9. Karamzin N. M. Pis'ma russkogo puteshestvennika / Izd. podg. Iu. M. Lotman, N. A. Marchenko, B. A. Uspenskii. L., 1984 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
10. Landshaft moikh voobrazhenii. Stranitsy prozy russkogo sentimentalizma. M., 1990.
11. Laurence Sterne: The Critical Heritage / Ed. by Alan B. Howes. London; Boston, 1974.
12. Mordovchenko N. I. Russkaia kritika pervoi chetverti XIX veka. M.; L., 1959.
13. Newbould M.-C. Adaptations of Laurence Sterne's Fiction: Sterneana, 1760–1840. London, 2016.
14. Oates J. C. T. Shandyism and Sentiment, 1760–1800. Cambridge, 1968.
15. Panov S. I. Kaisarov Mikhail Sergeevich // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. M., 1992. T. 2.
16. Stewart N. «Glimmerings of Wit». Laurence Sterne und die russische Literatur von 1790 bis 1840. Heidelberg, 2005.
17. Thayer H. W. Laurence Sterne in Germany. New York, 1905.
18. Tilby M. Tolstoj, Sterne, and the Spurious «Koran» // The Slavic and east European Journal. 1985. Autumn. Vol. 29. № 3.
19. Vatsuro V. E. I. I. Dmitriev v literaturnykh polemikakh nachala XIX veka // Vatsuro V. E. Pushkinskaia pora. SPb., 2000.